

На второй день нового года, хотя на улице по-прежнему стоял лютой холод, многие семьи всё же распахнули двери, запертые на протяжении всей зимы, и отправились в гости к родне. Кто побогаче - нёс с собой тюки и узлы, кто живёт поскромнее - брал совсем немного, но так или иначе это было знаком внимания. Люди, чьи нервы целый год были натянуты до предела из-за войны и бедствий, в эти дни семейного праздника наконец позволяли себе немного расслабиться.

Как ни велики испытания, простой народ что дикая трава: корнями намертво вцепляется в землю и, стоит лишь подуть весеннему ветру, снова пробивается свежими ростками. Чем обыденнее - тем крепче. Опускаясь в самую пыль, а потом расцветая.

По дороге им попадались люди, но ни одного знакомого среди них не было. Для Бянь Хуна - так, а для Жун Фэна и подавно: живя в глухих горах, он давно привык к отсутствию каких-либо связей. Вчетвером они шли по горной тропе, и в этом пути было что-то спокойное и даже приятное. Жун Фэн шагал впереди, утаптывая снежную дорогу, делая следы ниже и удобнее. Бянь Хун шёл следом, наступая в те же отпечатки, и тогда Юаньдин с Гуаньбао могли легко, подпрыгивая, идти позади, больше не страшась глубокого снега.

Они шли, опустив головы, и были уже почти у гор. В этих местах обычно никто не ходил, здесь было особенно тихо и пустынно. И вдруг из-за лесной чащи донёсся крик - кто-то громко окликнул их, указывая в эту сторону. Бянь Хун мгновенно насторожился и остановился. Жун Фэн, который только что прокладывал путь, в несколько шагов вернулся назад и встал впереди, заслоняя собой троих братьев. За его массивной фигурой действительно невозможно было разглядеть, что позади скрываются ещё двое детей и один взрослый.

Однако эта группа людей явно шла именно за Жун Фэном. Их главарь был крепко сложен и даже среди простого народа считался опасным. Он смачно сплюнул набившийся в рот снег с веток и недобро спросил стоявшего рядом:

— Это он?

— Точно он, тут не ошибёшься. Такого легко запомнить. В тот день он как раз с этой горной тропы спускался. Я всё видел - он раскидал и разбойников, и охранников господина Вана так, что те еле ноги унесли. Вот я и пошёл за вами, к родичу, чтобы вы разобрались.

С этими словами названный «родичем» главарь грубо рванул к себе рыдающего юношу.

— Так это ты с ним тайно сговорился? — рявкнул он. — В богатый дом господина Вана не захотел идти наложником, а к нищему паршивцу сам лезешь? Я гляжу, у тебя зад зачесался - по мужику так истосковался, что с ума сошёл!

Лицо юноши побелело. Он прикусил губу и, подняв взгляд, увидел впереди Жун Фэна и тут окончательно перепугался. Он дёрнулся было, пытаясь вырваться и убежать, но главарь мгновенно перехватил его за шею и намертво сжал.

— Бежать вздумал? Ха! Сначала я с этим разберусь, а потом свяжу тебя и оттащу в дом господина Вана. А ещё раз рыпнешься - ноги переломаю.

Поняв, что дело плохо, юноша в отчаянии закричал:

— Благодетель, бегите!

Но тут же один из стоявших рядом сжал в руке ком снега со льдом и силой затолкал ему в рот, заставив замолчать.

Бянь Хун, увидев это, прикрыл собой обоих младших братьев и тихо спросил Жун Фэна:

— Ты их знаешь?

Этот вопрос, наоборот, поставил Жун Фэна в тупик. Он издали посмотрел на эту компанию и покачал головой Бянь Хуну:

— Не видел раньше.

Люди за деревьями спешили - они быстро спустились по склону и с угрожающим видом подошли к Жун Фэну. Юношу, у которого во рту всё ещё был набит снег, они подтащили и с размаху бросили прямо перед ним. Но подойдя ближе, они поняли, что человек в бамбуковой шляпе слишком уж крепкий и к тому же очень высокий. Неудивительно, что его узнали ещё издали - фигура слишком приметная, ошибиться невозможно. Именно поэтому главарь немного поостерегся, прикинул силы противника и не стал сразу начинать драку.

— Паршивец, жить надоело? — хмуро бросил он. — Посмел тронуть человека господина Вана? За него уже и выкуп внесли, а я слышал, что по дороге со сватами ты этого юнца перехватил? Мало того ещё и тайно сговорился с ним. Теперь в доме господина Вана об этом узнали, между семьями такой скандал поднялся. Ради какого-то маленького ланьцзюня смелости у тебя, я смотрю, хоть отбавляй. Давай, объясняйся: по-хорошему разойдёмся или по закону?

Жун Фэн слушал и ничего не понимал, но, услышав слова «маленький ланьцзюнь», насторожился и обернулся к стоявшему за спиной Бянь Хуну:

— Это про тебя?

Бянь Хун покачал головой, а затем взглядом указал на лежащего неподалёку юношу, у которого были связаны руки и забит рот снегом.

— Про него речь. Ты и сам не знаешь, с кем «тайно сговорился», раз меня спрашиваешь?

Жун Фэн нахмурился и резко обернулся:

— Откуда ты взялся? Не знаю тебя. Какое ещё «по закону» или «по-хорошему» — проваливайте!

— Ах ты! — взбесился главарь. — Доброе слово не принимаешь, значит, горькое попробуешь!

В этот момент лёд и снег во рту у человека, брошенного на землю, наконец немного подтаяли. Он с трудом приподнял голову и, мыча сквозь холод и боль, сумел выдать слова:

— Благодетель... это я. Тогда, возле горы Мэмэн, ты спас меня от разбойников... тебя ещё ранили в плечо. Я хотел перевязать рану, но ты... ты не позволил.

Теперь понял не только Жун Фэн, даже Бянь Хун догадался, в чём дело. Просто Жун Фэн почти никогда не бывал ранен, поэтому тот единственный удар по плечу запомнился особенно хорошо. Вот только ни о каком «тайном сговоре» или «похищении невесты» Бянь Хун и слыхом не слыхивал, поэтому он промолчал.

А Жун Фэн, вспомнив, кто стоит перед ним, не смягчился, а наоборот ещё больше рассердился.

— Я тебя спас, и если ты не хочешь отплатить добром - ладно. Но болтать про «тайный сговор» - это уже чистая ложь!

Сказав это, он вздохнул, выхватил кривой нож с бедра и перерезал грубую пеньковую верёвку, стягивавшую запястья того человека. Верёвка лопнула, и всё закончилось.

Тот человек, запинаясь, прошептал Бянь Хуну слова благодарности, а затем опустился на колени прямо в снегу и, обращаясь к родственникам, которые привели его сюда, чтобы «разобраться с любовником» и тем самым дать объяснение господину Вану, изложил всю историю от начала до конца.

— Благодетель... я с детства лишился матери. Отец взял новую жену, и с тех пор меня беспрестанно били и измывались надо мной. Я едва вырос, а мачеха взяла серебро и продала меня уездному богачу, господину Вану, в наложники... — он захлёбывался слезами. — А тому старику уже шестьдесят семь!

Говоря это, он и вовсе разрыдался:

— В тот день, когда меня везли «сватать», на нас напали разбойники. Я уже думал, что погибну в горах, но тут появился благодетель и перебил их всех. Я воспользовался случаем и сбежал, но недавно меня снова поймали. Тогда я и решился солгать, сказав, что между мной и благодетелем есть связь. Лучше умереть, чем покориться. Я рассчитывал ещё раз бежать по дороге... но кто бы мог подумать, что я и впрямь встречу благодетеля.

Жун Фэн лишился дара речи.

Родичи, стоявшие напротив, услышав это, пришли в ярость: они и не подозревали, что их обвели вокруг пальца.

— Ах ты, паршивец! — заорал главарь. — Связать его! Тащите обратно! Ноги переломать!

Тот в ужасе вскочил и попытался бежать, но ноги, одеревеневшие от холода, не слушались - он пошатнулся и едва удержался на ногах.

Юаньдин и Гуаньбао от страха прижались к Бянь Хуну и не смели пошевелиться. Видя это, Бянь Хун лишь тяжело вздохнул, нагнулся, вырыл в снегу небольшую ямку, усадил туда детей, а затем выхватил кривой нож и шагнул вперёд из-за спины Жун Фэна.

Бянь Хун не стал обращать внимания на шайку головорезов, с яростным видом рвущихся вперёд, чтобы утащить человека. Вместо этого он поднял чёрные, как ночь, глаза и прямо посмотрел юноше в лицо, спокойно задав всего один вопрос:

— Чего ты хочешь?

Ланьцзюнь, увидев, как из-за спины благодетеля вышел человек с кривым ножом в руке, поначалу опешил. Но, встретившись взглядом с этими глазами, он вдруг стиснул зубы.

— Я... я не пойду. Я лучше сегодня здесь умру!

С этими словами он развернулся, собираясь броситься на людей позади - он уже всё решил: пусть смерть, зато не станет обузой для благодетеля.

— Умереть? — зло расхохотался главарь. — Это от тебя не зависит. За тебя серебро уже получено. Даже если помрёшь, помрёшь в доме господина Вана!

Он махнул рукой, и семеро-восьмеро мужчин кинулись вперёд, чтобы скрутить ланьцзюня. Бянь Хун уже выхватил нож, но его остановил Жун Фэн. Тот сорвал с себя соломенную шляпу и с голыми руками ринулся в драку.

Сила у Жун Фэна была поистине пугающей: одного удара хватало, чтобы свалить человека без сознания. В считанные мгновения он уложил нескольких нападавших, а остальные, дрогнув, попятились далеко назад. Потому что они увидели его глаз - тот самый, холодный, исполненный зловещей силы, голубой глаз.

— Д-дядя... он... он человек или призрак?! — заикаясь, прошептал кто-то. — Я... я больше не пойду.

Главарь-родственник тоже испугался. Не просто испугался - он ещё и получил от Жун Фэна удар в лицо, выбивший два зуба. От прежней заносчивости не осталось и следа: с первого взгляда стало ясно, что вся его грозность была напускной, а сам он - трус и пустышка.

Выплюнув окровавленные зубы, он, пятясь, увёл своих людей и, бормоча на ходу, бросил напоследок:

— Ты у меня ещё поплатишься, я тебя так просто не оставлю!

С этими словами вся шайка, спотыкаясь, скрылась в лесу.

Бянь Хун с облегчением выдохнул, убрал кривой нож, затем обернулся, помог выбраться из снежной ямки Юаньдину и Гуаньбао, которые жались там, словно два перепуганных перепела, и успокаивающе погладил их по головам.

— Он такой жалкий, брат Си, — тихо сказал Юаньдин.

Он посмотрел на того ланьцзюня, что всё ещё стоял на коленях неподалёку, без конца кланяясь старшему брату. По натуре тот человек был совсем не похож на его брата Си, но его иссохшее, измождённое тело напомнило Юаньдину о тех днях на дороге бегства, о бесчисленных ночах, когда они с Гуаньбао спали, прижавшись к брату Си. Тело, обнимавшее их тогда, было таким же истощённым и обессиленным.

Лютый мороз, и негде укрыться.

В конце концов этот человек робко и неуверенно пошёл следом за двумя детьми - Жун Фэн и Бянь Хун увели его с собой, решив сперва накормить досыта, а уж потом думать, что делать дальше.

На извилистой тропе, ведущей обратно в горы, Бянь Хун обернулся и спросил его:

— Как тебя зовут?

Тот человек, сжавшись, ещё ниже опустил голову.

— Янь Цю. Тун Яньцю. Можете звать меня просто Сяо Цю.

Когда в доме внезапно появляется лишний человек, да ещё такой, что всё время переполнен чувством вины и повсюду ищет себе работу, - это само по себе создаёт немалое напряжение. Поначалу Яньцю даже есть боялся - ел совсем чуть-чуть. Лишь когда Бянь Хун нарочно налил ему полную большую чашку, он осмелился наесться досыта. Жун Фэн держался с ним холодно и сдержанно, почти не обращал внимания: за несколько дней они так и не обменялись больше

чем парой фраз.

Впрочем, это и было для Жун Фэна обычной манерой общения с людьми. Он всегда помогал слабым, мог, даже будучи раненым, вступить за других и убивать разбойников на дорогах Мэмэн, но делал он это из чувства долга. Обычно же после помощи он предпочитал больше не пересекаться с теми, кого спас, - каждому следовало идти своей дорогой, не мешая друг другу.

А теперь на него ещё и навесили ярлык «тайного союза сердец», и это его раздражало. Раздражало потому, что, когда эти слова были произнесены, он обернулся и увидел, как Бянь Хун неподвижно, рассеянным взглядом смотрит на того человека по имени Яньцю. Во взгляде Бянь Хуна было что-то отстранённое, ускользающее, и Жун Фэн внезапно ощутил: этот человек словно стал от него чуть дальше.

Он больше не сидел у очага, пока готовилась еда, не разговаривал с ним, как раньше; их взгляды почти не встречались, а если и пересекались, то Бянь Хун тут же, незаметно, отводил глаза. Даже по ночам он больше не ложился рядом, а снова забирался в прежний угол у стены. Жун Фэн не понимал причины, но внутри его нарастало беспокойство, словно в груди тлел огонь, медленно обжигая изнутри. Выплеснуть это чувство он не мог, и со временем оно лишь копилось, становясь всё сильнее.

И вот, когда Тун Яньцю, как обычно, проворно перехватил у Бянь Хуна вязанку сена и поспешил кормить лошадь, Бянь Хун наконец обернулся и посмотрел на него.

— У тебя во рту выскочил волдырь от жара, — заметил он.

Жун Фэн промолчал.

Тогда Бянь Хун добавил:

— Это потому, что в последнее время еда слишком сухая? Готовит ведь Яньцю, я скажу ему.

И какая-то из этих фраз, он сам не понял, какая именно, окончательно подождгла терпение Жун Фэна. Он резко схватил Бянь Хуна, почти волоком увёл его прочь и прижал к стене маленького домика за фруктовым садом. Здесь никого не было - тихий, укромный уголок.

Они встретились взглядами, но Бянь Хун снова невольно отвёл глаза. Мужчина тяжело дышал и, не стерпев, резко сжал ему подбородок, силой повернув лицо обратно.

Бянь Хун нахмурился:

— С такой силой лучше бы дрова колот.

Жун Фэн осознал свою грубость и ослабил руку.

— Почему ты на меня не смотришь?!

— ...Ты такой высокий, голову задирать - шею ломит.

Услышав это, Жун Фэн просто согнулся, обхватил Бянь Хуна за талию обеими руками и поднял его.

Бянь Хун начал вырываться, колотя по его каменно-твёрдому плечу:

— Отпусти!

Жун Фэн поднял на него взгляд: он видел подбородок, на котором снова появилась плоть, маленькую красную родинку сбоку на шее, даже ощущал его чуть сбившееся дыхание.

— Говорил, шея устает? Теперь смотри вниз.

Бянь Хун разжал руки мужчины:

— Голова кружится. Поставь меня.

Услышав про головокружение, Жун Фэн тут же перестал упрямиться и аккуратно, уверенно опустил его на землю. Они по-прежнему молча смотрели друг на друга. Наконец Жун Фэн просто разжал руки, развернулся и пошёл прочь.

— Пойду выгоню этого... как его, Яньцю. Пусть убирается. Сейчас же.

Бянь Хун поспешно схватил его за рукав:

— Ты что делаешь, вернись!

Жун Фэн остановился, но услышал за спиной лёгкий, почти небрежный голос Бянь Хуна:

— Давай пока посмотрим, как пойдёт.

Жун Фэн резко обернулся и встретился взглядом с его глазами - тёмными, словно затянутыми туманом.

В конце концов он ничего не сказал, тихо развернулся и ушёл обратно.

<http://bllate.org/book/13502/1316837>